ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора юридических наук, профессора Бирюкова Павла Николаевича о диссертационном исследовании Кудряшова Владислава Васильевича на тему «Международное финансовое право в условиях трансформации мирового правопорядка», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертационное исследование В.В. Кудряшова посвящено актуальной теме. Современное международное финансовое право (далее - МФП) требуют обстоятельного анализа. Это особенно важно в условиях меняющегося взаимодействия России с международными институтами и зарубежными государствами. Как правильно отмечает автор, Россия с готовностью принимала на себя международные обязательства, в том числе в финансовой сфере, стремясь стать членом международных организаций, что обусловило мощное одностороннее влияние международного права на внутреннее (с. 172).

Как отмечает автор, МФП «выступает системной и целостной правовой отраслью, идейной основой которой является финансовая доктрина развитых западных стран, восходящая к дискриминационной и избирательной финансовой политике, реализуемой этими странами и созданными ими международными финансовыми институтами» (с. 8).

Несмотря на популярность проблематики МФП, в российской юриспруденции отсутствуют работы соответствующей тематики именно на стыке международного и национального права. Многочисленные исследования в этой области мозаичны, они покрывают не весь «холст» проблематики. В российской доктрине спектр воззрений чрезвычайно широк: МФП квалифицируют как подотрасль публичного МЭП; как смешанную отрасль права, охватывающую нормы международного и внутреннего права; как самостоятельную отрасль МП.

В зарубежной литературе все еще сложнее. К тому же, как правильно отмечает диссертант, сохраняющейся особенностью современного международного финансового правопорядка является приоритетное обеспечение посредством МФП интересов развитых (западных) стран. Различие в доктринах – и как следствие в международном правосознании элит – отражается в практике применения и толкования норм МФП, в его фрагментации (с. 28). Более того, «взгляды на предмет регулирования и систему МФП являются основными критериями, по которым расходятся российская и западная доктрины МФП» (с. 31).

Так что в обозримом будущем не стоит ожидать появления единой точки зрения насчет МФП. В этих условиях всестороннее исследование различных МФП и проблем применения его норм приобретают особую актуальность.

Предметом исследования в работе (с. 11) объявлено международное финансовое право, а именно его предмет, система, отраслевая принадлежность, субъектный состав, источниковая база, правовая природа норм, методы регулирования и контроля за их соблюдением в условиях трансформации мирового правопорядка и перехода к многополярному мироустройству.

Во Введении автор раскрывает актуальность темы диссертации, четко определяет ее предмет и объект, формулирует цель, задачи исследования, определяет его новизну.

Заслуживает внимания многие тезисы и положения, сформулированные автором во введении. Хочу отметить, прежде всего, следующие:

В международном финансовом регулировании «применяются непривычные для позитивисткой школы права инструменты мотивации государств к соблюдению норм МФП, а именно - сочетание репутационных и финансовых факторов» (с. 6).

«В современном международном праве практически сформирована отдельная самостоятельная отрасль - международное финансовое право, которая соответствует всем необходимым критериям системности и целостности данного нормативного комплекса» (с. 27).

«Значительные сферы международных финансовых отношений, особенно в банковском секторе, находящемся, как правило, под надзором центральных банков, регулируются так называемыми «финансовыми стандартами» – нормами и актами, принимаемыми специфическими международными – немежгосударственными – структурами. Данные финансовые стандарты заменяют «жестко-правовое» регулирование «мягко-правовым», которое оказывается более эффективным». Будучи инкорпорированными во внутреннее право, «мягко-правовые» финансовые нормы трансформируются в «жестко-правовой» инструментарий регулирования – становятся частью внутреннего финансового права. Применительно к внутренним правовым системам и режимам указанные стандарты играют ту же роль, что и классические источники международного права (с. 29).

Эти положения находят обоснование в тексте работы.

В главе 1 исследуются теоретические критерии целостности и системности МФП в условиях трансформации мироустройства. В.В. Кудряшов подчеркивает: «методом «закрытия» пробелов является «регулирование посредством «мягкого»» права: преимущественно путем принятия разного рода политических актов и рекомендательных норм - на двустороннем и

многостороннем уровнях» (с. 78). Отмечается, что «система международных публичных финансовых отношений определяет системные качества МФП – соответствующую структуру, внутренние связи между элементами, внешние связи МФП со средой в рамках существующего правопорядка (с. 85).

Для выявления предметной связи международных финансово-правовых норм в системе МФП, их относимости к тому или иному предмету В.В. Кудряшов рассматривает структуру многосторонних и двухсторонних международных документов. В результате на с. 97 формулируется важный тезис: «основным видом норм, применяемых в этой сфере, являются как раз «мягко-правовые» нормы – международные финансовые стандарты, которые и имеют приоритет по широте применения, но, конечно, не по юридической силе».

Далее, исследовав интегрирующие факторы системы МФП (нормы и принципы, институты, метод, функции и цели МФП), автор приходит к выводу: «современное МФП – это прикрытие для реального регулирования международных отношений «правилами», установленными Западом и реализуемыми через международные организации (с. 144).

Глава 2 посвящена проблемам прямых и обратных связей между нормативной надстройкой и предметом и объектом регулирования в современной международной финансовой системе

Диссертант излагает свое видение вопроса об имплементация норм МФП. Эта отрасль меняет структуру и содержание внутреннего финансового регулирования – банковского, страхового, фондового, налогового и др., а также финансового надзора (с. 171). Обосновывается вывод, что процесс имплементации (implementation) международных финансовых норм включает внедрение норм «твердого» и «мягкого» международного финансового права, каждого со своей спецификой (с. 171). При этом, как замечает автор, имплементация норм «мягкого» международного финансового права – международных финансовых стандартов - охватывает период разработки и принятия стандарта, его внедрение национальными юрисдикциями через изменение (принятие) законов или иных нормативных правовых актов, или иным образом, реальную практику соблюдения со стороны государств и участников рынка, оценку соблюдения через надзор со стороны уполномоченных международных организаций как обратной связи.

Имплементация международных финансовых стандартов имеет свои особенности. На с. 183 диссертантом отмечается: необязательным по своему юридическому действию нормам стандартов не требуется специальных законодательных процедур для их внедрения в финансово-правовую систему Российской Федерации. Они вводятся в действие, в основном, указаниями

Банка России непосредственно или отсылочным путем (кроме МСФО). Диссертант на с. 184 подчеркивает, что стандарты применяются при разработке нового финансового регулирования, являются *источником регулирования*, и в силу своей правовой природы не могут быть применены при рассмотрении судебных дел.

Большое внимание диссертант уделяет контролю за соблюдением норм МФП в национальной правовой системе как форме обратной связи. По его мнению, обратные связи проявляются в результате проверки страны на предмет соблюдения международных финансовых стандартов (с. 194).

Далее В.В. Кудряшов обращается к проблеме соотношения публичного и частного МФП. Отмечается, в частности, что влияние МФП как права публичного на частные финансовые отношения, несомненно, велико. Однако формы и степень этого влияния нуждаются в анализе и концептуализации. Однако предметом МФП следует считать исключительно межгосударственные, публичные отношения, то есть отношения, связанные с деятельностью *государств и международных организаций* в публичной финансовой сфере (с. 212-214). Стандарты, кодексы, руководящие принципы и иные рекомендации регуляторов преследуют цель сближения режимов национального финансового регулирования, и напрямую применению частными лицами национального права не подлежат. Для этого требуется конкретное указание от национального финансового регулятора, то есть инкорпорация этих стандартов и кодексов в национальное право (с. 221). Будучи по своей правовой природе коммерческими, а по статусу частно-правовыми (диагональными отношениями) не относятся к предмету МФП, но имеют широкое применение и, совместно с финансовыми отношениями между физическими и юридическими лицами разных юрисдикций, претендуют на формирование предмета подотрасли МЧП - «*международного частного финансового права*» (МЧФП). Объектом МЧФП являются частные финансы в различных формах (кредиты, займы, гарантии, ценные бумаги, финансовая информация), а также отношения при банкротстве, ликвидации, слияниях и поглощениях, отношения в процессе разрешения споров и др. (с. 222).

Новизной обладают и положения главы 3 работы. В ней исследуется международные финансовые стандарты в доктрине МФП и практике регулирования. На большом количестве примеров соискатель обосновывает вывод: «Нормы «твердого» международного права гармонично сочетаются и дополняются нормами «мягкого» международного права и укрепляют всю систему международного финансового права. Государства признают международные финансовые стандарты и следуют им в отношениях с другими субъектами международного финансового права, а также используют для

внутреннего финансового регулирования. Эти стандарты занимают промежуточное положение между обязательными нормами международного права и международно-правовыми инструментами, не имеющими обязательной силы» (с. 372-373).

В главе 4 дается критика зарубежных доктрин МФП. Характеризуя западную доктрину, автор справедливо указывает: «верховенство права трактуется Западом как верховенство западного права, то есть того права, которое *они* считают правом. Для отношений между «цивилизованными» народами там есть одни правила, а для отношений между «цивилизованными» и «нецивилизованными» народами есть другие правила, и кого считать «цивилизованными» народами, решают сами «цивилизованные» народы» (с. 416-417).

Большую практическую значимость имеют выводы, изложенные в главе 5. Автор рассматривает особенности современного международного финансового правопорядка с точки зрения российской доктрины МФП. Предложенные автором рекомендации касающиеся дальнейшего их применения могли бы быть учтены органами государственной власти РФ. Диссертация имеет важное политическое и социально-экономическое значение, внедрение которой вносит значительный вклад в развитие страны. В условиях интенсивного санкционного давления со стороны западных стран и отсутствия внешнего кредитования основным направлением деятельности органов финансового регулирования и надзора стало обеспечение устойчивости и надежности российской финансовой системы, в рамках которого были предприняты соответствующие регулятивные и финансовые меры.

Основные результаты диссертационного исследования прошли апробацию. Они были отражены в 9 монографиях, 19 публикациях по шифру специальности в рецензируемых журналах ВАК, а также докладывались на многочисленных международных научных конференциях.

В то же время в работе имеются и недостатки, спорные положения.

1. Так, по мнению диссертанта, «прямой трансформацией (инкорпорацией) международного договора, например Конвенции о противодействии финансированию терроризма или Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности[494], является их имплементация в правовую систему России путем *ратификации»* (с. 178).

Насчет юридической природы и значения имеются соответствующие исследования отечественных и зарубежных ученых, по-разному трактующие данный вопрос. Ратификация и по Венской конвенции 1969 г., и по ФЗ о международных договорах 1995 г. является лишь одной из форм дачи согласия государства на договор. Она выражается в формулировке: «Договор …

ратифицировать». Не больше. Никакой имплементации и включения договора в правовую систему или национальное законодательство. Другое дело, что в некоторых российских законах о ратификации содержатся заявления и оговорки, меняющие действие некоторых положений договора в РФ. Кроме того, встречаются в таких законах и положения имплементационного характера, которые определяют компетентные органы и порядок исполнения отдельных норм договора, вносят изменения в законодательство, содержат прямые отсылки к нормам договора и др. В этом случае такие «продвинутые» законы (два в одном), действительно носят имплементационный характер.

Кстати, то же самое можно сказать о позиции автора в отношении подписания договора (с. 179), которое также является лишь актом завершения работы над текстом договора или формой дачи согласия на него. Автор приводит в качестве примера своей позиции Соглашение компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией 2014 г. и Соглашение компетентных органов об автоматическом обмене страновыми отчетами 2016 г. По ним государства приняли на себя ряд обязательств «принять все необходимое законодательство для имплементации их положений». Вместе с тем, подписание указанных соглашений не повлекло их немедленного инкорпорирования. Это, кстати, далее отмечает и сам автор, указывая на ФЗ от 27.11.2017 N 340-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний». Именно этот закон имеет имплементационный характер

2. Иногда суждения автора, высказанные на разных страницах работы, противоречивы. Так, на с. 11 работы указывается, что объектом исследования выступают международные публичные финансовые отношения в их современной динамике. Между тем, далее автор указывает на необходимость и научную правомерность в доктринальном выделении специфического частно-правового образования – международного частного финансового права, которые затем в главе 3 подробно исследует. Получается, что предмет во введении определен уже, чем в самой работе.

3. Поднимая вопрос о неоднозначности статуса международных организаций, устанавливающих стандарты (МОУС), автор указывает: «российская правовая доктрина не признает эти организации «международными» (с. 184), поскольку от России там участвуют представители ведомств, главным образом, Банка России, Минфина России, Росфинмониторинга, ФНС, и не рассматривает их решения как акты международного права». Такая позиция верна лишь отчасти, в отношении далеко не всех структур. Некоторые МОУС, действительно, будучи национальными юрлицами, не являются международными организациями в точном значении этого термина (СФС, БКБН, КПРИ, МАСН и др.). Автор далее

называет их «квазиправосубъектными на международном уровне» (с. 342), «производными субъектами международного права» (с. 343), «*отраслевыми квазисубъектами международного финансового права*» (с. 344).

Вместе с тем, многие из названных в диссертации структур и в доктрине, и де-юре имеют статус международно-правовых (ФАТФ, ISO, Совет по исламским финансовым услугам, IOSCO и др.). Их документы являются актами органов международных организаций и подпадают под действие ст. 79 Конституции. Кстати, многие из них имплементируются не только ведомственными нормативными актами – приказами и инструкциями Банка России, Минфина России, ФНС, РФМ, Росстандарта и т.д., но и законами. В частности, именно в связи с имплементацией норм и правил ФАТФ был принят Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», нормы УК РФ, многочисленные указы Президента РФ, постановления правительства РФ.

Так что такие структуры можно смело называть «международными межведомственными» организациями.

4. Вне поля зрения автора осталась позиция КНР как крупнейшего актора международной финансовой системы. Впрочем, этот вопрос может стать отдельной темой для исследования.

Вместе с тем, вышеуказанные замечания носят дискуссионный характер и могут быть разъяснены при защите. Они имеют характер пожеланий и стимулирования дальнейшей научной деятельности.

Таким образом, анализируемая работа является самостоятельным и творческим исследованием соискателя. Диссертация Кудряшова Владислава Васильевича: а) характеризуется научной новизной и актуальностью; б) обладает теоретическим и практическим значением; в) содержит положения и выводы, имеющие значение для науки международного права.

В научно-квалификационной работе В.В. Кудряшова разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. В.В. Кудряшовым разработаны важные теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в сфере не только международного права, но и национального права Российской Федерации.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, их достоверность и новизна подтверждается обстоятельным анализом международных и национальных норм, практикой их применения. Показан индивидуальный вклад российских и зарубежных исследователей в разработку проблемы, отмечены концептуальные и фактические недостатки отдельных

работ, выявлены спорные и нерешенные аспекты, а также вопросы, требующие качественного пересмотра сложившихся ранее представлений. Источниковая база характеризуется широким многообразием документов и фактов, что позволило автору диссертации успешно решить поставленные задачи и аргументировать выводы.

Автореферат составлен в соответствии с предъявляемыми требованиями и отражает основное содержание исследования.

Заключение. Диссертация Кудряшова Владислава Васильевича на тему «Международное финансовое право в условиях трансформации мирового правопорядка» представляет собой завершенную научно-исследовательскую работу, которая в силу актуальности выбранной темы, теоретической и практической значимости полученных результатов, новизны и грамотно сформулированных положений на защиту полностью соответствует паспорту специальности 5.1.5. Международно-правовые науки и требованиям пунктов 9, 10, 11, 13 - 24 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842) (в действующей редакции), а ее автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора юридических наук по специальностям 5.1.5. Международно-правовые науки.

Официальный оппонент:

«16» сентября 2026 г. П.Н. Бирюков

Сведения об официальном оппоненте:
Бирюков Павел Николаевич, доктор юридических наук (12.00.10 – «Международное право; Европейское право»), профессор.
Место работы: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет».
Должность: заведующий кафедрой международного и евразийского права.

Почтовый адрес: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10а, корпус 9.
Веб-сайт: https://law.vsu.ru/structure/intlaw/index.html
Телефон: +7 (473) 255-84-92
Адрес электронной почты: birukovpn@yandex.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВГУ»)
Подпись П.Н. Бирюкова
заверяю начальник отдела кадров
должность,
Т.В. Зарудняя 16.09.2026
подпись, расшифровка подписи